

Камера: Do it yourself

Для многих энтузиастов занятие фотографией превращается сегодня в гонку вооружений. «Чтобы лучше снимать, нужно купить лучший объектив». «Китовый зум используют только неумехи; чтобы достичь серьезных результатов, нужно купить фикс». «Разве можно добиться настоящей четкости без использования цифрового задника?» Мы поговорили с людьми, по-другому смотрящими на фотографию. Они тоже любят свои камеры и свои фотографии, но не потому, что потратили на них годовую зарплату. А потому, что собрали их собственными руками.

Действительно, засилье крупных производителей техники серьезно сместило когда-то жесткий фокус фотографии как дисциплины с собственно фотографии на технику, гаджеты. Смешно в наше просвещенное время, когда люди засыпают с ноутбуками в обнимку, что-то говорить про эмоциональную привязанность к брендам. Но началось все, наверное, с камеры Leica, щелчок затвора которой, согласно Картье-Брессону, «звучит как поцелуй».

И как-то незаметно получилось, что снимает уже не человек, а вот этот «поцелуй». Сегодня важно, что Сапон «краснит», а Nikon «синит». И, в общем, говоря о своей работе, фотограф в первую очередь упоминает марку камеры (или камер), перечень своих объективов, их фокусное расстояние и светосилу.

Нельзя сказать, что для фотографии это плохо. И любители, и профессионалы до сих пор смеются над анекдотом о домохозяйке, похвалившей работы фотографа фразой «у вас, наверное, дорогой фотоаппарат» и опешившей, когда он ответил «ужин был вкусный, у вас наверняка очень дорогие кастрюли». Но зачастую по-настоящему понять слабость техники и силу пальца, нажимающего на кнопку, можно только отказавшись от фотоаппарата вообще. Но продолжив фотографировать.

Чуть меньше года назад мы писали о сканограммах Светланы Пожарской. Ее работа со сканером — та же фотография, но с одним существенным смещением центра: не камера нацеливается на объект съемки, но объект на «камеру». И конечно, такой способ получения картинок дает определенные преимущества, порождает неожиданные искажения, делает картинку уникальной.

Самые большие фанаты этой уникальности вроде итальянца Дарио Морелли (Dario Mogelli) разбирают сканеры и делают из них особенные камеры. В этом материале Дарио рассказал нам, как и зачем он это делает.

Еще один способ оторвать взгляд от ярких цветов брендированной фототехники — уйти к корням. Именно так поступают любители пинхоллов: эти люди строят собственные камеры-обскуры и порой

очень в этом преуспевают. Один из известнейших имен в этой области — Мирослав Тихий (Miroslav Tich). Выпускник арт-академии, он в какой-то момент отказался от жизни в обществе, стал бездомным, собирал собственные камеры из мусора и прекрасно на них снимал. Он, правда, использовал собственные фотографии как подставки под кружки с пивом, но это в итоге только увеличило их художественную ценность.

С художественной ценностью также очень интересно работает американец Уэйн Мартин Белгер (Wayne Martin Belger). Свои камеры он делает из черепов, пробирок с кровью и других обладающих метафизической ценностью предметов. Мы поговорили с ним о его необычных технических пристрастиях и выяснили много интересного.

Само собой, вовсе не обязательно делать камеру от начала до конца. Можно за гроши купить на интернет-аукционе агрегат, представляющий одну из тупиковых ветвей развития фотографии, починить его и наслаждаться, создавая действительно уникальные работы. Так поступил фотохудожник и поэт Миша Бурлацкий. Сейчас его амбротипии выставляются в галерее «Фотолофт» и находятся в частных коллекциях. Нам фотограф Бурлацкий рассказал о тонкостях работы с амбротипом и своей фотоэтнографической экспедиции.

ПИНХОЛЛЫ

Во всем мире существует множество сообществ, посвященных камерам-обскуры. Их организовали люди, искренне заинтересованные в процессе, создании пинхоллов собственными руками и удовольствии от процесса фотографирования.

Вся нужная информация о том, как сделать камеру-обскуры, есть на сайте российского сообщества PINHOLE.RU.

Существуют также западные спонсируемые сообщества, вывешивающие нестандартные творческие выкройки пинхоллов и позволяющие показать собственные достижения. Один из примеров таких организаций — Corbis Readytech Cameras. Полюбоваться на их камеры, а также скачать себе простую выкройку можно на сайте CORBIS.READYTECH.COM/EN.

КАМЕРА-СКАНЕР

Созданию необычных камер из сканеров также посвящено множество мануалов и руководств в сети. Один из самых ярких, интересных и полных ресурсов (для понимающих английский язык) на эту тему находится по адресу GOLEMBEWSKI.AWARDSPACE.COM.

И пусть незнание буржуйского наречия мешает читать тексты с этого сайта, оно совершенно не помеха тем, кто захочет просто посмотреть на фотографии, сделанные с помощью сканера.

Уэйн Мартин Белгер

Уэйн Мартин Белгер родился в Калифорнии в 1964 году. Фотографии он нигде специально не учился, зато к моменту старта своей карьеры в этой области уже имел более чем впечатляющий жизненный опыт: работал охотником за сокровищами, инструктором по скалолазанию и подводному плаванию, вожатым в лагере, хоккеистом и мастером по маникюру.

Wayne
Martin
Belger

boyofblue.com

фотограф
(Калифорния, США)

Официально я художник. Арт-галереи хотят позиционировать меня как фотографа, скульптора или «народного артиста», а то и как художника инсталляции или перформанса. Я же сам себя вижу как изобретателя разных штук-вин, который делаю для собственного удовольствия.

В 1998 году мой хороший друг, автомобильный фотограф, работал над одним проектом и специально собрал камеру-обскура. Сделал он эту камеру на пенопластовой

основе; она была очень хрупкой и сложной в работе. Насмотревшись на то, как он мучается, пытаясь что-нибудь снять, я предложил ему сделать новую камеру.

Он согласился, и я сработал пинхолл из алюминия, используемого в самолетостроении, со столетними замочными скважинами по бокам и насекомыми, шуршащими в них. И вот пока я делал эту камеру, меня заинтересовал сам процесс такой фотографии. Мне понравилась идея создания изображения с использованием необработанного света, в реальном времени. Истинной репрезентации понятия «сейчас».

« Вдохновение для каждого из проектов приходит от моего желания узнать что-то новое о мире: о его настоящем, прошлом и о его внутреннем устройстве. У большинства из моих проектов очень личные причины. Я создаю камеры, которые каким-то образом отражают важные развилки на пути моей персональной истории, чтобы лучше понять глубину этих важных моментов. Хорошие примеры — Dragonfly Camera [Камера «Стрекоза»], Untouchable («Неприкасаемый») и Heart Camera [Камера «Сердце»]. »

HEART CAMERA

В Камера «Сердце», возможно, самая личная. Она сделана из титана и алюминия, а в заднюю ее часть вмонтирован акриловый слепок детского сердца. Этот слепок мне подарил владелец одной галереи из Лос-Анджелеса. Он был сделан для анатомической лаборатории, разорившейся в 30-х годах, и позже найден в чьем-то гараже, где пролежал пятьдесят лет. Я попросил специалиста взглянуть на него, и он сказал, что по величине верхнего желудочка можно сказать, что ребенок, вероятнее всего, умер при рождении.

Когда я был в утробе матери, у меня был близнец. Два младенца, два бьющихся сердца. Но по какой-то причине сердце моего брата остановилось. Так что для меня эта камера — способ понять собственное сердце, и сердце брата, и вообще силу и страсть этого понятия «сердце», неважно, бьется оно или нет. Камерой «Сердце» я фотографирую только будущих матерей, готовых дать жизнь. Я делаю черно-белые снимки в местах и ситуациях, естественных для матерей. Затем я делаю цветные снимки, собственно, рождения. Когда ребенок начинает появляться на свет, я начинаю экспозицию. И заканчиваю ее как раз в момент, когда медсестры забирают его у матери. В итоге этот восьми-десятиминутный промежуток времени — рождение новой жизни — остается целиком на одном слайде.

До 1998 года у меня уже была полноценная карьера в области искусства: я был художником и занимался ассамбляж-искусством. Однако у меня также было конвенциональное образование механика. Так что мое нынешнее поле деятельности, создатель камер и фотограф, прекрасный итог всей моей истории.

Я происхожу из рода изобретателей, инженеров и создателей разных забавных штук. В юном возрасте меня научили, то если мне что-то нужно, мне придется сделать это своими руками. Так что для меня было абсолютно естественным, что, коли уж я хочу заниматься фотографией, оборудование я делаю сам.

Поскольку я никогда специально не учился фотографии или иным видам искусства, у меня есть преимущество. Все мои творения были сделаны путем проб и ошибок — и конструирование, и фотографирование, и работа в темной комнате. И это позволило мне изобрести и подстроить собственный процесс и собственный стиль под мое видение вещей.

Меня также никогда не учили, что фотограф — своего рода вуайерист, третья ступенька по отношению к снимаемому объекту. Поэтому я создаю свои камеры из и для предметов, которые фотографирую. Эти камеры становятся моими приспособлениями для изучения, мостами к явлениям, которые я хочу исследовать.

Я не использую камеру как вещь и не прячусь за ней. Мои камеры — проводники моей личной вовлеченности. В этом мое отличие от остальных фотографов. И конечно же, фотография не является итогом съемки. Им становится то, чему я учусь в процессе.

Большая часть моих работ нацелена на изучение битвы между наукой и религией. Это война, движимая эгоизмом и жадностью, идущая сотни лет. В своей работе я пытаюсь создать научные, технические приспособления, чтобы уже с их помощью исследовать мифологию.

Моя главная страсть — обучение через опыт и вовлеченность в процесс. Камеры, которые я создаю, и все те фотографические процессы, которые провожу, — моя связь с предметами, которыми я страстно увлечен.

Я всегда был фанатом физики и астрономии, для меня процесс пинхолл-фотографии полон научного смысла. Кроме того, камера — это алхимический сосуд, построенный, чтобы работать с пространством, временем и материей. С пинхоллом у фотографа нет линз, нет возможности изменить образ, исказить путь фотонов. Нет препятствий свету, нет электрических импульсов, превращающих ваш объект в бинарный код, который никто не в состоянии понять. Только неколеблемые фотоны, рассекающие воздух и меняющие металл в камере, чтобы в итоге получилось чистое, неискаженное изображение нужного момента времени.

UNTOUCHABLE

Камера «Неприкасаемый» появилась благодаря моей беседе с другом. Его диагностировали как ВИЧ-положительного. Для меня очевидно, что я не могу увидеть мир таким, каким видит его он. Я не могу поставить себя на его место, и ощутить эту стигму — ВИЧ, внутреннего врага, с которым приходится бороться каждый день. У камеры есть три цилиндра, в которых с помощью специальной помпы циркулирует вич-положительная кровь. Это очень сложный механизм, который я сделал после долгих измерений и при помощи моего друга и его доктора. Фотографии, для которых сделана эта камера, — исследование жизни людей с ВИЧ. Все снимки делаются сквозь линзы с кровью. На сегодняшний день я снял уже 14 человек в Сан-Франциско и в следующем году возьму камеру в Эфиопию и Калькутту. Моя цель — проехаться с ней по всему миру.

Дарио Морелли

Для Дарио Морелли конструирование камер – хобби. Причем, не самое важное (помимо него Дарио занимается, скажем, коллекционированием винтажных автомобилей). Но, как человек с изобретательным мышлением, инженерным образованием и искренней страстью к визуальным дисциплинам, Морелли тратит на него много сил и времени.

Меня всегда интересовала фотография и прочие визуальные искусства: рисование, кино и тому подобное. Возможно, потому, что мои родители — художники и тоже были в свое время увлечены фотографией. Но серьезно я занялся ей около года назад, когда потерял работу и у меня появилось много свободного времени.

Мне и раньше нравилось создавать вещи, менять их, думать над конструкцией. В один прекрасный день я купил сканер — для работы: мне нужно было отсканировать множество изображений для одного из проектов. Когда я выбирал его среди множества разных типов и марок, меня заинтересовало внутреннее устройство. Очень скоро я понял, что сканер похож на традиционные камеры по принципу работы, и идея использовать его как фотоаппарат пришла в голову сама собой.

Даже не знаю, как поименовать то, что делаю. Давайте скажем, что я наполовину художник (из-за моего увлечения визуальными искусствами) и наполовину просто повернутый на технике парень. Когда я вижу картину, скульптуру или фотографию, я всегда пытаюсь понять, как такая вещь сделана, и увидеть всю техническую работу, лежащую за творческим процессом.

Моей огромной проблемой является лень. Но в случае этого проекта с камерой я потратил довольно много денег на линзы, сканеры, различные нужные детали и при-

способления, так что довести дело до конца было принципиальным вопросом.

Когда я начинал, я ничего не знал о камерах-сканерах. Мне казалось, что я единственный додумался до возможности сделать из одного другое. Однако, поискав в интернете информацию на эту тему, я обнаружил, что я не просто не один — существуют даже профессиональные решения, крупные компании делают такие камеры и успешно продают их на рынке.

Поэтому я решил сделать что-нибудь отличное от них, особенное. Я захотел исправить и дополнить те камеры, что делали из сканеров люди до меня. В первую очередь я решил добиться максимально большого формата. Мой результат — 43x297 миллиметров.

Помимо этого моя камера, единственная из тех, что я знаю, может менять формат с крупного на 35 миллиметров, имеет эффект Tilt and Shift и может сливать множество изображений в одно, расширяя поле видимости.

И последнее новшество — режим реального времени. Да, сейчас я работаю над режимом показа изображения в реальном времени; в одной из моих предыдущих камер был реализован неплохой механизм, и сейчас я совершенствую его с помощью сенсора от веб-камеры. Ни одна из камер-сканеров сегодня не способна предложить такого, включая коммерческие модели.

Моя работа сопряжена с исследованиями в области оптики (знанием принципов, согласно которым работают линзы), фотографии, электроники (пониманием того, как

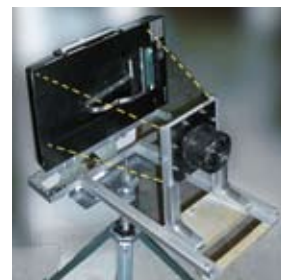
Dario Morelli

[flickr.com/people/projectese/](https://www.flickr.com/people/projectese/)

фотограф
(Италия)

О КАМЕРЕ

Камера сделана на базе сканера Epson V30. Полость и каркас оригинальной конструкции, вручную установленные сенсоры и переходники под объективы: Schneider Compronon 150mm f5,6; Tamron 28mm f2,8; Industar 37 300mm f4,5; Schneider Beta Variogon 75–150mm f4,5 для различных форматов. Здесь камера показана без кожуха.

«Даже не знаю как назвать то, что я делаю. Давайте скажем, что я наполовину художник и наполовину просто повернутый на технике парень.»

сканер трансформирует сигналы в изображение и умением работать с железом, чтобы научить его делать то, что мне нужно), механики (не так-то просто построить механизм фокусировки для крупноформатной камеры, а также синхронизировать поддерживающие шасси).

Я не из тех ребят, что делают по сотне снимков в день или едут куда-нибудь, просто чтобы получить несколько хороших кадров из конкретного места. Я вообще не очень охотно трачу деньги на фотографию, помимо этого кон-

кретного проекта. У меня есть более дорогостоящие хобби (коллекционирование старых автомобилей, к примеру), так что из фотоаппаратов у меня дома только цифровая видеокамера, которая также делает снимки, да старый Pentax MX для аналоговой фотографии.

Моя работа с камерой-сканером целиком опирается на свет и время: очень трудно сконструировать кадр, зная, что от момента установки штатива до получения изображения пройдет более тридцати минут. А мы все знаем, что даже за

две минуты освещенность может поменяться несколько раз. Не имеет особого смысла получение пятисотмегапиксельной фотографии, если она шумная, так что снимать приходится только в условиях ровной освещенности. Даже в яркий день я осознаю, что мне придется поработать с Levels в «Фотошопе»; это, впрочем, не проблема, так как у итоговых картинок очень высокий динамический диапазон.

Я сконструировал эту камеру не для того, чтобы прославиться. Когда я начинал, то не смог найти никакой важной

информации о камерах-сканерах в интернете и столкнулся со множеством трудностей. Так что я решил просто вести своеобразный дневник с фотографиями моей работы в процессе. Просто чтобы помочь людям, которые также ищут информацию о создании чего-то вроде того, что строил я.

Возможно, в будущем я сделаю отдельный сайт, на котором люди смогут прочитать о моем опыте или даже заказать себе такие камеры. Но я не хочу ничего патентовать, я хочу сохранить информацию настолько открытой,

Миша Бурлацкий

Миша Бурлацкий долгое время работал дизайнером. Он был художником в арт-рок-группе, арт-директором одного из московских глянцевого журналов, работал как сценарист и в итоге стал довольно известным поэтом. Начав иллюстрировать собственные книги фотографиями, он вскоре понял, что фотография — сама по себе поэзия.

В 2003 году я наткнулся в сети на сайт Стефана Беркмана (Stephen Berkman). Тогда я не знал, что такое амбротипия; по крайней мере, не представлял, чем она отличается от других фотографических процессов. То есть было ясно, что это темная комната, лаборатория, самодельные эмульсии и прочая, прочая. Здорово, конечно, но что я этим буду заниматься, никогда не думал.

Так вот, касательно Беркмана — дело даже не в технологии (он снимает на амбротип), а в том, как он работает. Мне очень близок его подход, его режиссерское мышление: надо ведь найти типажи, поставить им задачу. Черт с ним, с «Фотошопом», это каждый дурак может. А вот создать такие нетривиальные образы — задача для незаурядного художественного мышления.

Меня эта история очень увлекла, я съездил на мастер-класс по амбротипии в Санкт-Петербург, купил камеру и начал снимать.

Говоря о технике — не существует никакой специальной камеры. Нужен просто фотоаппарат большого формата. Носитель изображения в амбротипии —

стекло, а его не в каждую камеру можно засунуть; в Hasselblad, к примеру, нельзя. А вот начиная с «Фотокора» формата 6x9 уже можно. Сама амбротипия прекрасна еще и тем, что металл не выцветает, а стекло не разлагается. И храниться снимок может примерно вечно. До нас, скажем, дошли стопятидесятилетние амбротипии в отличном состоянии.

Амбротип — это мокрый процесс, а не сухой. А что такое мокрый коллодионный процесс? Светочувствительная эмульсия работает, пока она влажная. Как только она подсыхает, процесс завершен, и больше ничего сделать нельзя. Поэтому на фотографирование у тебя есть 10–15 минут. У этого процесса есть минусы, но есть и плюсы. Минусы — нужно все делать быстро, плюсы — непередаваемый кайф. На сухую пластину можно снять, упаковать ее в черненькое, и она будет ждать, сколько нужно, пока ты не соберешься печатать. А тут ты получаешь уже готовый продукт. Причем серебро на стекле работает не только на просвет, но и на отражение. Иными словами, это одновременно и негатив на светлом фоне (с проработанными деталями в светах), готовый для проекционной печати, и позитив на темном. Этот позитив, если просушить его с помощью вентилятора, покрыть лаком со стороны эмульсии и черной краской со стороны стекла, может быть в течение полутора часов сделан как готовая красивая картинка. Амбротипия — это ведь такой полароид XIX века. Можно не покрывать краской, а просто положить его на черный бархат, тогда сохранится возможность печати.

Конечно, не с каждого амбротипа можно печатать, потому что они очень тонкие и при печати просто не вытянется полутон. Чтобы можно было печатать, придется пересвечивать и перепроявлять — большой динамический диапазон, проработка в тенях и светах — печать будет шикарная.

Миша Бурлацкий

mishaburlatsky.com

фотохудожник
(Москва)

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Изобрел мокрый коллодионный процесс англичанин Фредерик Скотт Арчер в 1851-м году. А три года спустя запатентовал его под названием «амбротипия» (от греческого *ambrotos* — вечный) американец Джеймс Амброс Каттинг. Арчер умер в нищете, а Каттинг заработал на патенте процесса состояние.

« Амбротип — это мокрый процесс, а не сухой. А что такое мокрый коллодионный процесс? Светочувствительная эмульсия работает, пока она влажная. Как только она подсыхает, процесс завершен, и больше ничего сделать нельзя. Поэтому на фотографирование у тебя есть 10–15 минут. »

Этнографическая амброэкспедиция

Чтобы узнать, как выглядит процесс подготовки и проведения натурной съемки на амбротип, мы поговорили с Мишей Бурлацким о том, как он ездил в Израиль, чтобы снять этнографическую серию пейзажей.

Он рассказал нам о работе в полевой лаборатории, перевозке оборудования и тонкостях общения с местным населением.

У меня была идея организовать амброэкспедицию. По всему Израилю есть места, в которых можно жить. Я потратил сравнительно небольшие деньги и повторил путь Френсиса Фритта. Ровно 150 лет назад этот человек организовал одну из первых фотоэкспедиций на Ближний Восток. Он снимал в течение трех лет, и в результате европейцы смогли увидеть первые фотодокументы святых мест. То этого момента были только словесные описания и рисунки. Френсис организовал несколько выставок, издал несколько фотоальбомов — в общем, для своего времени это было потрясение.

Конечно, я снял не так много, как он, но каждая фотография сопровождалась таким количеством событий и происшествий, что это уже и не важно.

Первым объектом съемки была двухтысячелетняя гробница Абсаломы — подножие самого древнего еврейского кладбища. Чтобы туда добраться, мы запарковались на арабских территориях. В итоге выяснилось, что палатку я забыл, поэтому в качестве темной комнаты использовалась дырка в стене. Я забился там в уголок и развернул свои химикаты. В общем, я так думаю, это была первая мокроколлодионная лаборатория в помещении трехтысячелетней давности. Зато в результате всех этих перипетий получились такие замечательные кадры. **ФМ**

В Израиле снимать на средний формат — подвиг. Там огромные проблемы с химией — я знаю людей, которые заказывают ингредиенты и эмульсии из Украины и России. В Израиле их просто нет. Я стал, наверное, первым за последние сто лет, кто там снимал на амбротип. И это было довольно непросто.

У названия «коллодий», как и у любого именованного химического вещества, есть синонимы. И один из этих синонимов — пироксилин. Вам говорит это о чем-нибудь? А израильской таможне говорит. Это взрывчатое вещество, предшествовавшее динамиту. Представьте себе, как я лечу в Израиль и везу с собой в самолете этот самый пироксилин.

Несколько месяцев у меня ушло на поиски коллодия на месте. И стоил он там в двадцать два раза дороже, чем здесь. Потому что пытаться купить в Израиле взрывчатку — то еще развлечение.

